

А. Марголин

**Украина и политика
Антанты**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
А11

А11 **А. Марголин**
Украина и политика Антанты / А. Марголин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 398 с.

ISBN 978-5-458-40425-9

Марголин Арнольд Давидович (1877–1956), адвокат, общественный деятель и писатель. Родился в семье богатого сахарозаводчика. Окончил Киевский университет. Приобрел известность как адвокат выступлениями в уголовных процессах, связанных с еврейскими погромами. За резкие выступления против властей был лишен адвокатского звания и восстановлен в правах лишь после Февральской революции 1917 г. Рано примкнул к сионистскому, а затем к территориалистскому движению, одним из лидеров которого стал после смерти М. Э. Мандельштама. После провозглашения в ноябре 1917 г. Украинской народной республики был назначен членом ее Верховного суда, а в ноябре 1918 г. при Директории — заместителем министра иностранных дел. В марте 1919 г., после кровавого погрома в Проскурове (ныне Хмельницкий), подал в отставку, но продолжал поддерживать правительство С. Петлюры, считая ответственным за погромы не его, а «черную сотню». В том же году стал дипломатическим представителем правительства Директории в Лондоне и занимал этот пост до падения Директории в ноябре 1920 г. В 1922 г. Марголин переехал в США, где занимался адвокатской практикой и выступал как лектор и журналист. Марголин — автор нескольких книг, в том числе «Украина и политика Антанты» (1922), «Евреи Восточной Европы» (1926), «Из политического дневника» (1946) и др.

ISBN 978-5-458-40425-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Библейское сказаніе о Вавилонской башнѣ сохраняетъ свой поучительный смыслъ и для настоящихъ дней. Когда люди перестаютъ понимать другъ друга, когда у нихъ нѣтъ общаго языка, совмѣстная жизнь этихъ людей въ предѣлахъ одного государства, одного человѣческаго общежитія, и ихъ совмѣстная творческая работа становятся невозможными.

Для взаимнаго-же пониманія необходимо прежде всего общеніе людей между собою.

Столь-же необходимо близкое общеніе между различными партійными, классовыми и національными группами, связанными совмѣстною государственною жизнью, будь-то въ предѣлахъ Сан-Марино, или огромнѣйшей Англійской Имперіи, въ Швейцарской Конфедераціи, въ Палестинѣ или на поверхности всего земного шара, въ предѣлахъ воображаемаго будущаго союзнаго государства народовъ всѣхъ пяти частей свѣта.

Вторая русская революція и вся послѣдовавшая за войною эпоха развала Россійскаго Государства и всевозможныхъ попытокъ воссозданія на его мѣстѣ одного или нѣсколькихъ новыхъ государственныхъ образованій прошла подъ знакомъ выявленія соціальнаго и національнаго максимализма со стороны отдѣльныхъ группъ и народностей. Съ другой сто-

роны, тѣ, кто мечталъ и мечтаетъ о полномъ возвратѣ къ былому, минувшему, проявили такой-же максимализмъ въ слѣпомъ непониманіи значенія всего свершившагося.

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о какомъ-либо общемъ языкѣ. Безчисленное количество партійныхъ и національных группировокъ, образовавшихся въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ на всемъ протяженіи Россійскаго Государства, ихъ разнообразная структура — все это вело къ тому, что каждая группа жила своею, замкнутою жизнью. Усиленное-же развитіе такой легальной кружковщины могло привести лишь къ углубленію того развала всѣхъ устоевъ государственности и общежитія, который явился для Россійскаго Государства ближайшимъ результатомъ мировой войны. Наряду съ параличемъ государственнаго организма и общественныя силы оказались распыленными на множество разрозненныхъ ячеекъ. Замкнувшись въ свою національную или партійную скорлупу, люди не знали, что происходитъ тутъ-же, рядомъ — иногда въ томъ-же городѣ и даже въ томъ-же домѣ — въ національной или партійной жизни другихъ народностей или другой политической организаціи.

Воцареніе большевиковъ ознаменовалось полной отмѣной свободы устнаго и печатнаго слова, отмѣной всѣхъ видовъ свободнаго человѣческаго общенія и передвиженія. Разстройство транспорта, почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній привело къ тому, что огромное большинство населенія одной шестой части земного шара въ концѣ концовъ оказалось въ состояніи полного разобщенія между собою и отрѣзанности отъ всего остального міра.

При такомъ безбрежномъ хаосѣ произвола и анархїи, при столь безграничной неосвѣдомленности обо всемъ происшедшемъ и сейчасъ происходящемъ, нѣтъ и не можетъ быть почвы для окончательныхъ выводовъ и оцѣнки эпохи правящаго большевизма и всѣхъ смежныхъ, параллельныхъ съ нимъ явленій. Для суда исторіи въ этой плоскости время еще не настало.

Но зато слѣдуетъ спѣшить съ собираніемъ фактическаго матеріала, съ опросомъ свидѣтелей и очевидцевъ о томъ, что каждому изъ нихъ привелось узнать и увидѣть. Тѣ же, кто самъ принималъ активное участіе въ политической и общественной жизни послѣднихъ лѣтъ, даже обязаны запечатлѣть все то, что имъ извѣстно въ качествѣ матеріаловъ для освѣщенія эпохи 2-ой русской революціи, національнаго движенія среди отдѣльныхъ народностей и, вообще, всѣхъ многообразныхъ явленій послѣдняго времени.

Авторъ настоящихъ записокъ стоитъ близко къ украинскому движенію начиная съ осени 1917-го года. Въ іюнѣ 1918-го года онъ вступаетъ въ ряды украинской партіи социаль-федералистовъ. Но еще задолго до 2-ой революціи авторъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ цѣлымъ рядомъ украинскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, многіе изъ коихъ сыграли впослѣдствіи значительную роль въ судьбѣ Украины. Будучи однимъ изъ основателей Еврейской Территориалистской Организациі въ Россіи (1906 г.), авторъ считалъ своимъ долгомъ сочетать свою работу въ направленіи созданія еврейскаго автономнаго государства съ активнымъ участіемъ въ русскомъ освободительномъ движеніи, а послѣ распаденія Россіи — въ украинскомъ національно-государственномъ строительствѣ.

Въ такого рода сочетаніи, въ такомъ синтезѣ національнаго долга еврея предъ своимъ роднымъ народомъ и его гражданскаго долга въ отношеніи государства, въ которомъ онъ фактически живетъ и пользуется гражданскими правами, авторъ видитъ гармоническое выявленіе сущности современнаго еврейства.

Настоящая книга имѣетъ своею цѣлью изложеніе фактовъ, извѣстныхъ автору и могущихъ послужить для освѣщенія взаимоотношеній, которыя наблюдались между украинскимъ и еврейскимъ народами въ послѣдніе годы. Въ связи съ этой задачей дается попутно общая характеристика нѣкоторыхъ основныхъ моментовъ украинскаго движенія, украинской интеллигенции и наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей.

Прямое, непосредственное участіе автора въ переговорахъ представителей украинскаго движенія съ цѣлымъ рядомъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей державъ Антанты въ Парижѣ и Лондонѣ дало ему возможность близко ознакомиться съ общимъ направленіемъ политики Антанты въ отношеніи Восточной Европы

Bernburg a. S., июль 1921 г.

ГЛАВА I.

Синагога Русский языкъ. Украинская деревня Погромы
и ихъ отраженіе въ еврейской психикѣ

«Какъ только мы касаемся вопросовъ жизненныхъ, художественныхъ, нравственныхъ, гдѣ человѣкъ не только наблюдатель и слѣдователь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участникъ, тамъ мы находимъ физиологическій предѣлъ, который очень трудно перейти съ прежней кровью и прежнимъ мозгомъ, не исключивъ изъ нихъ слѣды колыбельныхъ пѣсенъ, родныхъ полей и горъ, обычаевъ и всего окружающаго строя»

Герценъ Былое и Думы.

Томъ II-ой. Изд 1921 г
стр. 156

Погромы 81-го года врядъ-ли могли сохраниться въ моей памяти. Мнѣ было тогда всего четыре года. И если у меня все-жъ запечатлѣлись какія-то смутныя воспоминанія дѣтства о погромахъ, то это, вѣроятно, вызвано позднѣйшими рассказами о нихъ въ домѣ моихъ родителей, бывшихъ очевидцами кievскаго погрома 81-го года.

Вообще-же раннее дѣтство мое прошло въ патриархальной еврейской средѣ. Въ нашемъ домѣ свято соблюдались тогда требованія еврейской религіи. Это былъ настоящий «набожный домъ». Отецъ часто бралъ меня съ собою въ синагогу. Кто изъ еврейскихъ дѣтей не сохранилъ навсегда въ своей памяти

тотъ синагогальный дворъ, или садъ, гдѣ они встрѣчались со своими сверстниками, играли во всевозможныя игры, устраивали между собою всякія побоища и войны? И кто изъ насъ не слышалъ въ дѣтствѣ бранныхъ словъ отъ христіанскихъ дѣтей по адресу «жидовъ»?

Синагога оставила надолго свой слѣдъ въ моей душѣ. И даже теперь одинъ внѣшній видъ синагоги, какъ нѣчто конкретное и осязательное, роднитъ меня съ моимъ народомъ больше, чѣмъ всѣ ученія и законы о персонально-національной автономіи. Увы, этихъ чувствъ уже не знаютъ мои дѣти, которыя родились и выросли при другихъ условіяхъ.

Роднымъ языкомъ моего дѣтства былъ русскій. И хотя въ домѣ у насъ говорили очень много и на разговорно-еврейскомъ языкѣ, но ко мнѣ обращались всегда по русски. Я привыкъ думать и говорить по русски, русскій языкъ роднилъ меня съ русской культурой.

Само слово Украина въ средѣ, въ которой я жилъ, являлось тогда пустымъ звукомъ. Было лишь понятие о хохлахъ, но не совсѣмъ точное. Оно связывалось съ живымъ образомъ прислуги, деревенскихъ бабъ, приносившихъ молоко, овощи и т. д. Хохолъ неправильно отождествлялся съ мужикомъ и противопоставлялся кацапу, въ образѣ грузчиковъ, плотниковъ, продавцовъ кваса и представителей другихъ отхожихъ промысловъ изъ великороссійскихъ губерній.

Зато съ незапамятнаго времени у меня стало развиваться чувство страстной привязанности къ родному городу Кіеву и къ Днѣпру, а впоследствии — и къ украинской деревнѣ, съ ея желтыми полями,

соломенными крышами и вишневыми деревьями. Уже въ гимназическіе годы я предпочиталъ жизнь въ деревнѣ всякимъ соблазнительнымъ поѣздкамъ за границу и «на дачу». Нѣкоторое время я бралъ уроки древне-еврейскаго языка у извѣстнаго еврейскаго публициста Вайсберга. Но отъ этого ученія сохранилось въ памяти, къ сожалѣнію, лишь знаніе азбуки и пониманіе смысла весьма немногихъ словъ. Предметы гимназическаго преподаванія, ассимилирующее вліяніе окружающей въ гимназіи обстановки, соблазнъ прогулокъ по дикимъ откосамъ Царскаго Сада и прекраснымъ окрестностямъ Кіева, катанье на лодкѣ — все это заполняло меня настолько, что я весьма разсѣянно слушалъ уроки почтеннаго Вайсберга, навѣщавшаго меня дважды или трижды въ недѣлю. Засимъ наступила пора увлеченія атеистическими началами, космополитическими принципами — и я вскорѣ послѣ наступленія 13-лѣтняго религіознаго совершеннолѣтія прекратилъ мои недолговременныя занятія древне-еврейскимъ языкомъ.

И все-же образъ покойника Вайсберга стоитъ предо мною и сегодня, какъ живой. А рядомъ съ нимъ выплываетъ образъ покойнаго П. П. Чубинскаго, извѣстнаго украинскаго дѣятеля, близкаго друга нашей семьи въ мои гимназическіе годы, побывавшаго въ ссылкѣ за «хохломанство».

Такъ переплетались въ моемъ сознаніи, а равно и въ подсознательной сферѣ, всѣ эти воспріятія отъ трехъ различныхъ міровъ. Еврейская среда, синагога, русскій языкъ и русская школа, украинская деревня, украинская пѣсня . . . И долго, мучительно долго метался я въ исканіяхъ синтеза всѣхъ этихъ воспріятій и ощущеній . . .

По окончаніи кіевскаго университета я прожилъ около двухъ лѣтъ заграницей, гдѣ слушалъ лекціи по философіи и уголовному праву. По возвращеніи въ Кіевъ я посвятилъ себя практической адвокатской работѣ, главнымъ образомъ по уголовнымъ дѣламъ.

Поворотнымъ моментомъ въ моей адвокатской дѣятельности является мое участіе, въ качествѣ молодого стажера, въ дѣлѣ о гомельскомъ погромѣ, разбиравшемся осенью 1904-го года. Съ этого времени я принималъ посильное участіе въ дѣлахъ объ еврейскихъ погромахъ и въ аграрныхъ и политическихъ процессахъ.

Въ чисто уголовныхъ дѣлахъ особенно характерными для украинскаго крестьянства являлись жестокие самосуды надъ конокрадами, а также тяжкія тѣлесныя поврежденія, нерѣдко кончавшіяся смертію, какъ месть за захватъ земли. Орудіемъ этихъ дикихъ расправъ бывали чаще всего колъ или оглобля, а иногда и вилы.

Зато среди физическихъ виновниковъ еврейскихъ погромовъ, запятнавшихъ себя позорнѣйшими убійствами и истязаніями, мученіями и изнасилованіями, въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Смѣлѣ, а также въ безчисленныхъ городахъ и мѣстечкахъ юга Россіи, по которымъ прошелъ погромный ураганъ октября 1905 г., были исключительно отбросы и преступные элементы городской накипи. Крестьяне-же изъ сосѣднихъ селъ и деревень являлись лишь для того, чтобы поживиться разграбленнымъ товаромъ. Во время кіевскаго погрома разгромили до тла и мою квартиру, хотя она и находилась въ сторонѣ отъ районовъ, подвергшихся систематическому разгрому. Какъ было установлено впослѣдствіи, я попалъ въ специальный

«проскрипціонный» списокъ лицъ, подлежащихъ убіенію и разграбленію. Это была мѣсть мѣстныхъ черносотенцевъ за мою дѣятельность въ союзѣ полноправія евреевъ и въ союзѣ союзовъ. Я наблюдалъ изъ безопаснаго пункта, какъ громилы, во главѣ съ городовымъ, ворвались въ мою квартиру. Въ виду отсутствія моего и моей семьи, своевременно скрывшейся у знакомыхъ, дѣло ограничилось уничтоженіемъ и расхищеніемъ имущества. Сравнительно благополучно закончилось также преслѣдованіе меня за участіе въ союзѣ адвокатовъ. Я былъ привлеченъ по 126 ст. Угол. Улож., но засимъ дѣло было прекращено.

Гомель, Смѣла, Кролевецъ, Кіевъ, Нѣжинъ и т. д... Сколько времени и труда, сколько душевныхъ силъ было затрачено на защиту еврейской чести въ этихъ процессахъ . . . И сколь явственно вырисовалась на этихъ процессахъ преступная рука Плеве, его сподвижниковъ и послѣдователей, непосредственныхъ устроителей погромовъ . . .

Зато крѣпка была вѣра въ то, что съ ниспроверженіемъ царскаго абсолютизма погромы стануть невозможными . . . Никто изъ насъ, специально занимавшихся изслѣдованіемъ погромовъ того времени, и не подозрѣвалъ, какъ глубоко проникъ въ народный организмъ ядъ насаждаемаго правительствомъ антисемитизма и погромной агитации.

Но было, съ другой стороны, ясно, что предстоитъ еще тяжелая, продолжительная борьба со старымъ россійскимъ режимомъ.

Еврейская народная масса, извѣрившись въ близости наступленія лучшихъ дней, стала усиленно эмигрировать въ Америку. Еврейская молодежь

хлынула въ ряды сіонистской организаціи, въ ряды Бунда и другихъ образовавшихся въ то время еврейскихъ національныхъ партій. Вообще, послѣ кишиневского погрома начинается новая полоса исторіи въ жизни еврейскаго народа.

Сіонистская организація объявила себя на Гельсингфоргскомъ съѣздѣ политической партіей. Это была роковая ошибка, которая привела къ полной неравберихѣ и путаницѣ въ области примитивныхъ понятій о политическихъ партіяхъ. Правда, засимъ выдѣлилась спеціальная партія поймаей-сіонистовъ (т. е. сіонистовъ-соц.-демократовъ). Но все-же въ рядахъ сіонистской партіи оставались самые разнообразные элементы съ самыми противоположными воззрѣніями по основнымъ политическимъ, социальнымъ и экономическимъ вопросамъ.

Между тѣмъ стремленіе еврейскаго народа къ образованію своего національно-территоріальнаго центра, своего автономнаго государства, стало настолько могучимъ, что оно, вообще, не могло уже уложиться въ рамки политической партіи. Это уже было народное движеніе, и его слѣдовало облечь въ форму безпартійной организаціи или союза.

Нарожденіе ряда еврейскихъ социалистическихъ партій способствовало развитію социалистическаго міровоззрѣнія среди еврейскаго пролетаріата, который легче и довѣрчивѣе воспринималъ основы социализма на разговорно-еврейскомъ языкѣ. Параллельно съ этимъ шелъ и ростъ національнаго самосознанія среди еврейскихъ рабочихъ. Но самый фактъ отдѣльнаго существованія еврейскихъ политическихъ партій (какъ и украинскихъ, литовскихъ и т. д.) создавалъ политическое средостѣние